

Олег ГУБАРЬ

Феномен де Ришелье

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Никогда не было в Одессе более почитаемой фигуры, нежели дюк де Ришелье — «домашний герцог одесситов», как очень метко назвал его когда-то поэт Юрий Михайлик. Уходили и приходили люди, время ломало памятники, уничтожало погосты и дома, но этот монумент устоял вопреки всему. Хотя был, надо признать, момент, когда судьба «Дюка» висела буквально на волоске. Пламенный борец с «безродными космополитами», тогда директор публичной библиотеки и «краевед», В. А. Загоруйко усердно добивался демонтажа этого символа города.

В чем же заключается феномен личности Ришелье? Почему по большей части безответственная и не чересчур благодарная человеческая память сделала для него исключение? Ответ на этот вопрос прямо и однозначно прозвучал еще в дореволюционной России: «Гуманность и культурность — весьма редкие на высших административных постах империи — как раз и составляли сущность Ришелье как руководителя и человека». Никто не сделал больше для Одессы и одесситов, чем Дюк. Даже М. С. Воронцов, который, несмотря на всю свою масштабность, следовал уже в русле начинаний своего выдающегося предшественника, развивал и дополнял их. Это Ришелье открыл город Европе и миру, чем всё и сказано исчерпывающе.

Пользуясь неограниченными полномочиями, дружеским расположением монарха, значительными бюджетными средствами, Дюк заложил основы инфраструктуры Одессы как крупнейшего пункта транзитной торговли между Востоком и Западом. Это он наладил хлебный экспорт, пригласил и помог обустроиться колонистам-аграриям из Германии, Франции, Швейцарии и других стран, превратил Одессу в европейский город, освободил от непомерных налогов, сформулировал идею порто-франко, реализованную уже при его преемнике, Ланжероне. Блудя интересы и государственные, и региональные, Ришелье добился того, что хлебная торговля России и Турции не прекращалась даже тогда, когда они находились в состоянии военных конфликтов! Это он спасал город и край от свирепой чумы; рискуя жизнью, лично посещал зачумленные кварталы и дома, ободряя горожан и поистине делаясь с ними последним куском хлеба. Это Дюк отдал все деньги, заработанные на службе в России, для создания в Одессе наиболее значительного на Юге учебного заведения — лицея, второго в державе после Царскосельского. Это он построил городскую больницу и театр, в котором выступали лучшие в империи оперные труппы. Можно утверждать, что на этой южной окраине России с его подачи возник подлинно европейский портовый город со всеми атрибутами — самоуправлением, биржей, коммерческим судом, карантинном, транспортными морскими конторами, страховыми и банковскими учреждениями, благотворительными, учебными, культурными заведениями и др.

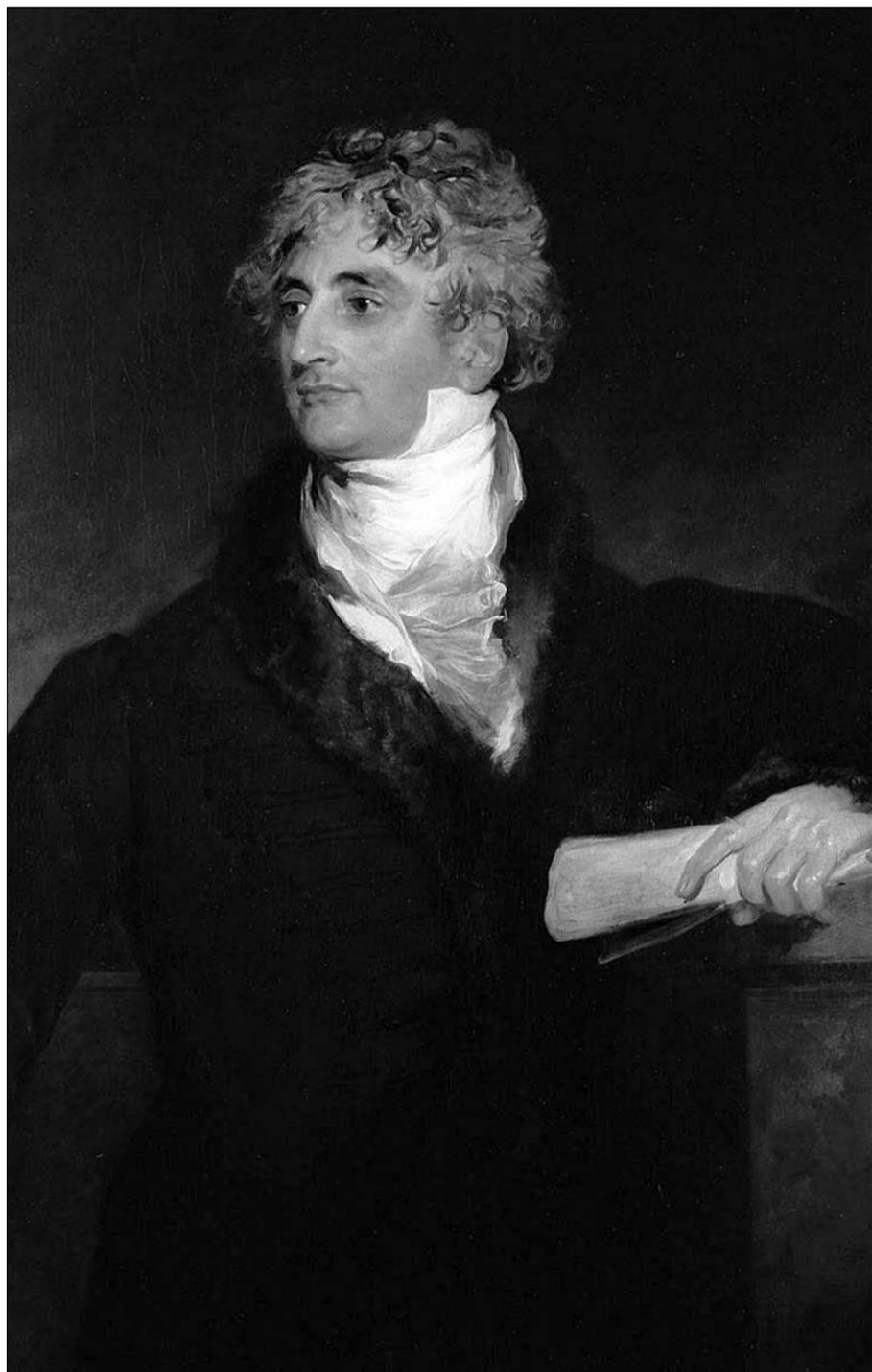
Одиннадцать лет (1803 — 1814) Ришелье прожил в небольших помещениях, на первом этапе «меблированных» табуретами

и топчанами без лакового покрытия, в обстановке, лишенной намека на роскошь. Его рабочий день продолжался чуть не 17 часов. Всё делопроизводство он фактически вел сам, причем ответные документы составлял на тех языках, на каких к нему обращались. Питался Дюк очень скромно, а немногочисленную канцелярию содержал за свой счет. Ежедневно обходя или объезжая город, он вникал во все мельчайшие дела, беседуя с купцами, подрядчиками, военными, медиками, мастерами, гостями города, иностранными консулами, простонародьем, посещал все общественные и частные балы. Серьезно обеспокоенный проблемой озеленения Одессы и прилегающих к ней безводных территорий, Ришелье лично выписывал из-за рубежа недешевые саженцы и затем постоянно инспектировал буквально всякое высаженное деревце, строго взыскивая виновных за нерадивость.

Вся изложенная информация обретает иное звучание, если учесть, что Дюк — рафинированный представитель столь же знатного, сколь и древнего аристократического рода, что один из его предков — знаменитый кардинал, всесильный министр Людовика XIII, несколько скомпрометированный, правда, Дюма-отцом в «Трех мушкетерах». По смерти в 1642 году кардинала де Ришелье его фамильный замок на берегах Луары и герцогство перешли к внучатому племяннику, Арману Ришелье, который был пэром Франции, начальником флота и войск, дислоцировавшихся по всему Леванту. Это обстоятельство и породило путаницу с двумя разными Арманами де Ришелье. Во всяком случае, как вы понимаете, нашего Дюка в 1642 году просто еще не существовало физически, поскольку он родился через 124 года, в 1766-м. Какими же родственными узами, в свою очередь, связаны эти два разных Армана?

Всё тут довольно просто. Внучатый племянник кардинала передал все свои регалии и владения сыну, Луи-Франсуа де Ришелье — французскому маршалу, широко известному своими многочисленными альковными похождениями. Этот любвеобильный маршал оставил титул сыну, герцогу Фронсаку, а уж тот — своему наследнику, графу Шинону, нашему одесскому Дюку. Таким образом, герцог Арман-Эмануил дю-Плесси де Ришелье одновременно носил титулы графа Шинона и герцога де-Фронсака. Вот и выходит, что Дюк — прапраправнучатый племянник кардинала Ришелье.

Столь грандиозная и завидная родословная не помешала херсонскому военному губернатору и первому одесскому градоначальнику быть самым, пожалуй, гуманным из всех администраторов, которых знала Одесса. Судя по всему, и Франция не знала лучшего премьер-министра, нежели Ришелье, а именно этот первоначальный пост он занимал после возвращения в Париж. Когда Дюка не стало (1822), император Александр Павлович, искренне считавший Ришелье близким человеком и конфидентом, сказал французскому послу: «Я оплакиваю герцога Ришелье как единст-

Портрет работы Т. Лоуренса из собрания Елизаветы II

венного друга, говорившего мне правду. Он был образцом чести и правдивости». Тогда же во французской академии прозвучали слова: «Он не призывал к добру, но умел его подготавливать и приближать». Хочу подчеркнуть еще один чрезвычайно значимый в биографии нашего города момент. Если бы Дюк не выбрал невзрачную

и захудалую тогда Одессу в качестве административного центра огромного региона — а ведь он вполне мог остановиться на куда более обустроенных тогда Николаеве, Херсоне или, скажем, на каком-либо из портов Крыма, ее блистательная будущность оказалась бы под большим вопросом...

Юрий МИХАЙЛИК

Новые стихи

Жизнь талантлива, поскольку она коротка.
Жизнь назойлива, поскольку прет изо всех дыр.
Жизнь слепа и глуха, ибо самая золотая строка
ничего не изменит в мире и не сможет спасти мир.

Остается гадать и гадать — кто ты и где ты.
А ты просто кот господина Шредингера —
мертв и одновременно жив.
Достоверных ответов нет. Достоверны любые ответы.
Правдив любой приговор, который также и лжив.

Так что сиди-гляди на иссиня мятущийся бред,
который поближе к берегу похож
на равнодушно зеленую былль.
И даже то обстоятельство, что тебя уже как бы нет,
не может служить доказательством, что ты был

то ли смывает волной, то ли занесен песчаной пургой
на другой стороне планеты, на другой стороне,
на совсем другой...

Юлию Киму

Вот говорят, моржи не переносят лжи,
твердят, что вирус лжи противен их натуре.
Он выживет везде — на суше и в воде,
но не в полярных льдах, не в той температуре...

А нас, увы, друзья, лепили из вранья,
из фальши, из брехни — за тем или за этим,
и в толпах наших лжей, ханжей и сторожей
отсутствия моржей мы просто не заметим.

Но все же иногда в нагромождениях льда,
где синяя слюда в арктических проливах,
из темной глубины всплывают их стада —
полночные стада красивых и счастливых.

Ты музыку включи — там за бортом в ночи
их круглые глаза блестят в полярном мраке...
И, может быть, друзья, действительно нельзя
и Шуберта любить, и верить в наши враки...

Летний сон. Полночная прохлада.
Мягкий звук — во сне иль наяву?
Ты не бойся — там, во мраке сада,
абрикосы падают в траву.

Это отдаленный ритм приборя
глухо отзывается вдали,
словно предназначен нам с тобою
краткий промельк жизни и любви.

Слабыми полуночными снами
мир и сад качается в стекле.
Ты не бойся — это было с нами.
Может, только с нами на Земле.

Ничего другого мне не надо,
пусть приснятся, если доживу,
сонный сад, июль, во мраке сада
абрикосы падают в траву.